КОПТСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ В ЭРМИТАЖЕ И ЕЕ ИЗУЧЕНИЕ

Коптская коллекция активно собирается уже около ста лет. Интерес к изучению памятников коптского искусства проявился в России с момента первых находок и их публикаций, т. е. с 80-х годов прошлого столетия. В это время Эрмитаж посылает в Египет хранителя Владимира Григорьевича Бока с целью собрать для Эрмитажа и изучить на месте коптские древности. Он совершил по Египту две поездки: в 1888—1889 и 1897—1899 гг. Около двух тысяч образцов тканей было собрано им в Ахмиме, Сомайне, Фаюме и Некаде (частично приобретены у жителей тех мест, где находятся раннехристианские некрополи, и лишь незначительная часть — у каррских и александрийских торговцев). Кроме тканей, В. Г. Бок привез папирусы, остраки, надгробные стелы и плиты, керамику, изделия из бронзы и слоновой кости и др. Привезенные В. Г. Боким памятники составили основную часть коллекции Эрмитажа.

Почти в то же время Эрмитаж приобрел личную коллекцию В. Г. Бока, а еще раньше — памятники из собрания К. Тишендорфа.

В 20-е и 30-е годы XX столетия собрание пополнилось за счет предметов, поступивших из других музеев. В 1920 г. Эрмитаж приобрел коллекцию академика Б. А. Тураева. В 1925 г. из художественно-промышленного училища Штиглица поступили прекрасные образцы орнаментальных коптских тканей, а в 1938 г. из Музея книги, документа и письма Института истории АН СССР в эрмитажное собрание вошла большая коллекция греческих и коптских папирусов, надгробных стел, «этикеток» от мумий и других письменных памятников. Последним крупным приобретением была коллекция поздних коптских тканей академика И. И. Толстого. Ряд интересных предметов куплен у частных лиц или подарен ими.

Памятники коптского Египта позволяют судить о различных отраслях ремесла и быта населения; вместе с данными письменных источников они служат важнейшими документами для изучения Египта в один из переломных моментов его истории — III—VII вв. н. э., период, когда ломались устои рабовладельческого общества и складывались новые феодальные отношения.

В коптской коллекции Государственного Эрмитажа главное место принадлежит тканям. Как художественно-исторический памятник, ткани имеют первостепенное значение, в частности потому, что изображенные на них сцены и персонажи являются своеобразным воспроизведением образцов изобразительного искусства (особенно живописи и мозаики), не сохранившихся до наших дней; этим ткани восполняют пробелы в источниках Ближнего Востока и Средиземноморья.

По своим узорам ткани в коллекции могут быть подразделены на несколько групп: 1) ткани с изображениями, продолжающими древнеегипетскую художественную традицию; 2) ткани со сценами и отдельными образами, связанными с греко-римской мифологией и литературой; 3) ткани с мелкофигурными композициями и отдельными персонажами, взятыми из библейских и евангельских историй; 4) ткани орнаментальные (растительный и геометрический узор).

Изучению тканей с изображениями, связанными с древнеегипетской традицией посвящены работы М. Э. Матье. Автор показывает, что, несмотря на большие стилистические отличия, они выполнены в веками существовавшей традиции воспроизведения природы долины Нила, выполнены людьми, которые постоянно жили среди этой природы и хорошо ее знали.

Среди таких тканей прежде всего следует отметить полоску с двумя плывущими утками, ткани с цветами розового лотоса и полоску с фигурками бегемотов и крокодилов, украшенных ожерельями (обычай украшать священных животных, надевать на крокодилов ожерелья и кольца описан Геродотом и зафиксирован в папирусе римского времени).

В Эрмитаже хранится уникальная ткань с изображением богини Гэ (от той же тунники происходит медальон с богом Нилом, хранящийся в ГМИИ). Появление Гэ в паре с богом Нилом может быть объяснено тем, что в это время образ Гэ сливается с образом Эвтении, которая была олицетворением изобилия и плодородия, приносимого Нилом. В древности ежегодный разлив Нила воспринимался как брак Хапи с богиней Сехет, олицетворением почвы. Изменения в иконографию вносит Александрия. Хапи-Нил, приняв новый облик (по внешнему виду он напоминает Зевса, Посейдона, Сераписа), сохраняет все основные черты древнего бога. Богиня земли также приобрела образ, свойственный античным богиням, но детали ее головного убора и украшения связывают ее с древним Египтом.

К древнеегипетским представлениям восходят и изображенные на нескольких тканях фигурки так называемых «мальчиков с локоток» — детей Нила, олицетворяющих высоту подъема его воды при разливе. Уже самое название их — «мальчиков с локоток» заставляет вспомнить египетское слово «человек с локоть» — «новорожденный». Иконографически они также находят свои прототипы в древнеегипетском искусстве. Их смешение с эрматами понятно в свете распространения различных сюжетов с этими богами в александрийском искусстве IV в. до н. э.

В собрании ткани с изображениями, связанными с древнеегипетской традицией, по своему количеству значительно уступают тем тканям, сюжеты и образы которых заимствованы из греко-римской мифологии и литературы. Исследованию этих изображений посвящены работы К. С. Ляпуновой. В этой группе тканей мы встречаемся с излюбленной тематикой римского искусства — олицетворением явлений природы, времен года, со сценами из мифов и трагедий, отдельными персонажами этих произведений. Здесь прежде всего следует назвать уникальные ткани с изображениями суда Париса и сцены из истории о Федре и Ипполите. Большой интерес представляет ткань с изображением двенадцати подвигов Геракла. Они расположены в повествовательном порядке вокруг центрального медальона с колесницей Диониса.

В собрании обращают на себя внимание ткани с дионисическими мотивами. Распространение этих сюжетов в эллинистическом, римском и византийском искусстве связано с той популярностью, которую приобрел культ Диониса в последние века до н. э. В птолемеевском Египте этот культ получил придворно-политическое значение. Миф о Дионисе не раз служил темой эпических произведений для позднегреческих поэтов. В их сочинениях излагались и древние сказания о Дионисе и позднейшие дополнения; большой популярностью пользовалась после индийского похода Александра Македонского легенда о покорении Дионисом Индии. Одна из таких поэм сохранилась полностью, она написана Нонном из Панополя (IV—V вв. н. э.).

На памятниках этого времени часто встречаются изображения Диониса — покорителя Индии; он едет на колеснице, в которую впряжены пантеры. Одна из таких сцен — триумф Диониса — воспроизведена на ткани, хранящейся в Эрмитаже. К сюжетам, связанным с индийским походом Диониса, относится группа изображений с убийством пленного. Обычно эту сцену трактовали как убийство Персеем Медузы (Кендрик), так она объяснена и в каталоге международной коптской выставки «Коптское искусство» в Эссене. Еще раньше К. С. Ляпуновой было предложено иное объяснение этого сюжета. Здесь, по всей видимости, изображено убийство пленных индийцев на могиле Офельта — одного из соратников Диониса во время похода в Индию

XXXVII песнь поэмы Нонна дает описание погребения Офельта, повторяя по форме описание погребения Патрокла в «Илиаде». Прототипом сцены, изображенной на тканях, может быть изображение на древней вазе — Ахилл, убивающий пленных на тризне Патрокла.

Большое место среди сюжетов, связанных с Дионисом, занимают изображения виноградной лозы и самого Диониса как божества винограда и виноделия. Распространение такой тематики было обусловлено ее переосмыслением в процессе наступления христианства. Христианское искусство воспользовалось этими изображениями для пропаганды своих идей. На ряде тканей мы видим, например, изображения виноградной лозы, а в центре вместо Диониса помещен крест. Старые по форме сюжеты и образы получили новое содержание. Из многочисленных же изображений, связанных с индийским походом Диониса из персонажей его вакханалий — панов, сатиров, вакхантов и менад — христианское искусство делает исключение лишь для одного — убийства пленного. Причину этому можно видеть в том, что в дальнейшем сцена эта была переосмыслена и легла в основу новой композиции — жертвоприношение Исаака. Все же другие изображения были отвергнуты как слишком враждебные христианской идеологии.

Имеется большая группа тканей с различными изображениями всадников. Сюжет этот сохраняется на тканях очень долго и переходит в христианское искусство. Переосмысление излюбленных античных сюжетов и образов коснулось и изображения всадника. Фигура его была выделена и он воспринимался теперь как один из многих коптских святых.

Среди тканей со сценами охоты в собрании хранится часть завесы со сценами «Охота в парке». Изображения выполнены здесь в технике резерважа, а это значит, что они очень близки первоначальному живописному или мозаичному оригиналу. Близкие аналогии им можно найти на мозаиках в Помпеях, в Антиохии на Оронте, на мозаике из большого дворца в Константинополе. Но ряд черт отличают это изображение от римских, например трактовка деревьев, из которых одно дано натуралистически, а два других совершенно условно, что характерно для местного, египетского искусства.

Очень интересны в коллекции ткани с христианскими изображениями. Таковы сцены встречи Марии и Елизаветы, рождения, крещения и распятия Христа. Обращает на себя внимание ткань со сценой омовения младенца Христа, так как ее появление в коптском искусстве противоречит монофизитской догме.

Коллекция коптских тканей в собрании Государственного Эрмитажа по количеству образцов (более 3 тыс.) и разнообразию изображений стоит в ряду лучших коллекций мира, таких, как коллекции Лувра, Музея Виктории и Альберта, Берлинского Государственного музея, Пражского Художественно-промышленного музея, ведущих музеев Америки¹.

Помимо тканей в коптской коллекции насчитывается более пятисот предметов бытового и церковного обихода из бронзы.

Еще в 1897 г. был опубликован В. Г. Боком бронзовый сосудик для ладана с крышкой, на которой сидит сокол с крестом на голове. Сокол раздирает когтями крокодила. Имеются еще две такие пробки: на одной из них — сокол в короне древнеегипетских фараонов. Исследования В. Г. Бока, а позднее М. А. Шера показали, что это — магическое изображение, символизирующее победу высшего доброго начала над злым, триумф жизни над смертью. Сокол — священное животное древнеегипетского бога Гора — умерщвляет крокодила — Сета. Как известно, ладан, для которого предназначен данный сосуд, в древнем мире и у христиан предохранял и очищал от нечистого, гре-

¹ Второе по величине собрание коптских тканей в СССР находится в ГМИИ им. А. С. Пушкина. Оно обладает рядом прекрасных уникальных образцов, как, например, упомянутый выше медальон с изображением бога Нила, парный медальону с богиной Гэ. Коллекция образовалась в основном из тканей, которые передал музею в 1912 г. В. С. Голенищев, бывший хранитель Эрмитажа, путешествовавший с В. Г. Боком по Египту. Небольшие собрания коптских тканей есть в Киеве и Тбилиси.

ховного. Следовательно, коптский мастер сознательно выбирает этот древнеегипетский образ для выражения христианской идеи.

Бронзовые канделябры были предметом исследований Н. П. Крижановской. Ей удалось выявить три группы. Первая группа канделябров представляет собой дальнейшее развитие и стилизацию античных образцов. На предметах второй группы можно проследить живучесть мотивов искусства древнего Египта на почве Египта христианского. Здесь обращает на себя внимание канделябр с женской фигурой, стоящей на колонне и держащей в руках петлю со светильником. Еще в древнем Египте выработался тип подставки зеркала в виде нагой женской фигуры по большей части с опущенными вдоль тела руками. Иногда руки женщины подняты вверх и держат концы лешеток лотоса. Сходство коптской статуэтки с древнеегипетским прототипом увеличивается круглой формой петли, которую она поддерживает. Колонна, служащая ей пьедесталом, — египетская, она продолжает мотив связанных стеблей с перевязью под каштелью. Третья группа канделябров по форме и орнаментации близка арабским подсвечникам.

Сравнительно невелика по количеству предметов, но достаточно интересна и разнообразна в коллекции коптская керамика, частично опубликованная М. Э. Матье. Анализ изображений показывает, что и здесь тесно сплетаются древние традиции с новой, христианской тематикой. Наиболее полно исследованы следующие вещи.

1. Чаша с типичной для коптского искусства сценой — «мальчики с локоток», символизирующие ежегодный подъем воды в Ниле.

2. Сосуд с изображением женского лица в обрамлении ветвей сикоморы (происходит из Красного монастыря). Аналогичные фрагменты найдены в XII капелле Бауита и при раскопках монастыря Мины. Вероятно, эти женские изображения понимались как символические фигуры, олицетворявшие добродетель или церковь. Трудно решить вопрос, имеет ли этот сюжет забытое в коптское время значение. Можно лишь привести некоторые соображения на этот счет. На египетском фаянсовом блюде XVIII династии имеются близкие изображения двух голов богини Хатор с ветками. Культ Хатор был теснейшим образом связан с культом деревьев, в частности сикоморы, из ствола которой обычно выходила Хатор.

3. Расписной глиняный крест с изображением рыб. Все элементы имеют явно христианское осмысление. Многие детали восходят к древнеегипетскому искусству: а) рыбы держат во рту водоросль; б) рыбы расположены головой к центру, а одна — животом вверх. Все эти черты можно видеть на древнеегипетских изображениях, в частности на фаянсовом блюде времени XVIII династии.

Помимо керамических изделий, опубликованных М. Э. Матье, имеются светильники с рельефными изображениями лягушки, крестов и с христианскими надписями; все известные формы ампул из монастыря святого Мины, штампы для печатывания сосудов и многочисленные мелкие предметы бытового и религиозного назначения.

Наряду с тканями, бронзой, керамикой в коллекции обращают на себя внимание изделия из слоновой кости. В их числе надо отметить пластинки с изображениями птиц в болотных зарослях. Они находят себе аналогии в изображениях таких же птиц на пластинках, украшающих ларец IV—VI вв., хранящийся в Каирском музее. Эти сценки — части общей композиции — эрот кормит болотных птиц, которая вырезана на большой костяной пластинке (опубликована Стржиговским), также служившей украшением ларца. На другой группе пластинок изображены охотник, барс, собака и заяц. Фигуры взяты из традиционных сцен охоты, широко распространенных в этот период по всему Средиземноморью. Аналогичные изображения встречаются на предметах александрийской работы, например на костяной рукоятке из ГМИИ им. А. С. Пушкина. Такая же рукоятка есть в Берлинском музее. Некоторые стилистические моменты, как-то подчеркнута утяжеленная грудь животных, указывают на связь с искусством Передней Азии.

Для истории религии интересны костяные женские статуэтки. Привлекая большой сравнительный материал, М. Э. Матье удалось установить, что фигурки были магическим средством для получения потомства.

Коптская скульптура представлена в Эрмитаже рельефами с изображениями охоты, отдельных животных и вьющейся виноградной лозы. Самый ранний из них — деревянный рельеф с нильской флорой и фауной, IV—VI вв. Папирусы, остраки, надгробные стелы и другие письменные памятники, собранные в коллекции (около тысячи образцов) представляют большой интерес. В их числе — литературные тексты, хозяйственные документы и документы административного характера. Часть этих текстов опубликована Г. Церетели, О. Леммом, П. В. Ериштедом, О. О. Крюгером и Б. А. Тураевым. Фрагменты папирусов и стел эрмитажного собрания были сопоставлены с аналогичными памятниками, хранящимися в зарубежных музеях. В ряде случаев удалось обнаружить недостающие части, что позволило опубликовать тексты в наиболее полном виде.

Изучение коптского собрания Эрмитажа началось одновременно с его созданием. В свое время В. Г. Бок считал, что крайне существенно выявлять в коптском искусстве древние местные черты. Бок подчеркивал своеобразие коптского искусства по сравнению с христианским искусством других стран. Такую же оценку коптского искусства и, в частности, коптских тканей дал в конце XIX в. В. В. Стасов. Ни В. Г. Бок, ни В. В. Стасов еще не ставил вопроса о необходимости выявить социальную среду, в которой бытовали различные группы произведений коптского искусства, в их работах нет попыток проследить, как отразилась присущая Египту в этот период сложная идеологическая борьба в коптских памятниках. Тем не менее их подход к изучению коптского искусства был новым и передовым.

Советские исследователи коптской культуры и искусства ставят своей задачей не только показать самобытные черты этого искусства, вскрыть то, что унаследовано от древнего Египта, античного мира, Передней Азии, но и выяснить исторические причины, которые обусловили отбор определенных элементов из культурного наследия прошлого, показать, в каких социальных кругах складывалось развитие сложного и своеобразного искусства.

Эта задача нашла свое полное выражение и в печатных работах, и в ряде последовательных экспозиций памятников коптской культуры и искусства в Эрмитаже.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ О КОПТСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

- Бок В. Г., Материалы по археологии христианского Египта. Текст и атлас, СПб., 1901, 94 стр., 33 табл. [Текст на русск. и франц. яз].
- Бок В. Г., О коптском искусстве. Коптские узорчатые ткани, «Труды VIII Археологического съезда», III, 1897, 32 стр., 7 табл.
- Бок В. Г., О коптском искусстве. Бронзовый коптский сосуд, СПб., 1895, 19 стр.
- Быстрикова М. Г., К вопросу об иконографических темах на коптских художественных тканях, «Сообщения Гос. Эрмитажа», XXVI, [1935], стр. 28—31.
- Быстрикова М. Г., Коптские костяные пластины с изображениями охотничьих сцен, «Сообщения Гос. Эрмитажа», XXVII, [1966], стр. 63—65.
- Быстрикова М. Г., Коптские костяные пластины IV—V веков, «Сообщения Гос. Эрмитажа», XXI, 1961, стр. 28—31.
- Быстрикова М. Г., Неизданные папирусы и другие тексты Государственного Эрмитажа и Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, ВДИ, 1969, № 4, стр. 138—145.
- Быстрикова М. Г., Коптская ткань VI—VII вв., «Сообщения Гос. Эрмитажа», XXXII, 1971, стр. 44—46.
- Быстрикова М. Г., Коптская ткань V—VI вв. из собрания Гос. Эрмитажа, ВДИ, 1971, № 3, стр. 107—112.
- Вустрикова М., *Antichità copte*, «Ranuccio Bianchi Bandinelli. Enciclopedia dell'Arte Antica classica e Orientale», II (1959), стр. 556—557.
- Ериштедт П. В., Коптские тексты Государственного Эрмитажа, М.—Л., 1951, 191 стр.

- К р и ж а н о в с к а я Н. А., Коптские канделябры Эрмитажа, «Сборник Гос. Эрмитажа», III, 1926, стр. 70—86.
- К р ю г е р О. О. и Б ы с т р и к о в а М. Г., Неизданные папирусы и другие тексты Государственного Эрмитажа, ВДИ, 1961, № 2, стр. 97—102; 1964, № 2, стр. 118—128; 1965, № 2, стр. 103—106.
- Л е т т О., Kleine koptische Studien, I—LVIII, СПб.— Пг., 1899—1912.
- Л я п у н о в а К. С., Коптская ткань с мифом о Геракле, ТОВГЭ, I, 1939, стр. 211—219.
- М а т ь е М. Э., Выставка культуры и искусства римского и коптского Египта в Государственном Эрмитаже, ВДИ, 1955, № 3, стр. 188—189.
- М а т ь е М. Э., Греко-римский и византийский Египет. Путеводитель по выставке, Л., 1939.
- М а т ь е М. Э., Древнеегипетские мотивы на тканях Византийского Египта, ТОВГЭ, III, 1940, стр. 117—147.
- М а т ь е М. Э., Коптские и египетские магические женские статуэтки, ТОВГЭ, I, 1939, стр. 171—184.
- М а т ь е М. Э., Коптская расписная керамика Эрмитажа, ТОВГЭ, I, 1939, стр. 191—210.
- М а т ь е М. Э. и Л я п у н о в а К. С., Художественные ткани коптского Египта, М.—Л., 1951.
- С т а с о в В. В., Рисунки коптских тканей и новейшие сочинения о них, «Вестник изящных искусств», СПб., 1890, стр. 586—608.
- Т у р а е в Б. А., Материалы по археологии христианского Египта. Коптские тексты, приобретенные экспедицией покойного В. Г. Бока, М., 1902, стр. 1—22, табл. 3.
- Т у р а е в Б. А., Коптские надписи из собрания Н. П. Лихачева, «Христианский Восток», I, 1912, стр. 45—49.
- Z e r e t e l i G., K r ü g e r O., J e r n s t e d t P., Papyri Russischer und Georgischer Sammlungen, I—V, Tiflis, 1925—1935.
- Ш е р М. А., Миф о борьбе Гора и Сета в коптских памятниках культа, ТОВГЭ, III, 1940, стр. 101—116.
- Ш а н д р о в с к а я В. С., Культура и искусство Ближнего и Среднего Востока, IV тыс. до н. э.— XVIII в. н. э. и Византии IV—XV вв., Л., Изд-во Гос. Эрмитажа, 1960. [Коптский Египет, стр. 44—51].

М. Г. Быстрикова